

Фан Минцзюэ медленно открыл наполовину прикрытые глаза.

Он, казалось, изо всех сил старался сохранять видимость спокойствия, слабо маскируя свою тревогу, крепко сжал подлокотники и спокойно произнес:

— Дорогие мои сановники, посещение дворца наследником принца для обучения верховой езде и стрельбе — это правило, установленное нашими предками. Императрица лишь иногда развлекается на тренировочном поле, находясь в противоположной стороне от Фан Цзэхао, и им сложно даже встретиться, не говоря уже о вмешательстве в государственные дела.

Эти слова вызвали замешательство среди гражданских и военных чиновников.

Разлад между императором и императрицей, а также то, что императрица является приспешником Ян Цзиня, было известно от членов императорской семьи до простого народа. Никто не мог этого не знать.

И вот теперь Фан Минцзюэ устраивает подобное представление. Что за спектакль он затеял?

— Ваше Величество, — вышел вперед цензор Цзэн Цзымо, известный своей склонностью к драматизму, — хотя императрица и мужчина, развлечения на тренировочном поле действительно неуместны. Наследник принца У уже подросток, и если мы хотим, чтобы он получил опыт, лучше отправить его в армию на несколько дней. Это будет в сто раз полезнее.

— Наследник принца в рядах армии? Такого никогда не было в истории. Что за безобразие? — Глаза Фан Минцзюэ забегали, и хотя голос его старался звучать спокойно, опытные старые лисы среди чиновников уловили в нем нотки тревоги.

Как будто его задели за живое.

Козлиная бородка Великого наставника Чана слегка задрожала, но он продолжал отдавать приказы взглядом.

— Я считаю, что это предложение весьма разумно.

Несколько цензоров вышли вперед и хором произнесли эти слова, даже не удосужившись придумать хоть какой-то предлог, чтобы успокоить Фан Минцзюэ. Было очевидно, что это авангард Великого наставника Чана, выражающий его недовольство и предупреждение.

Фан Минцзюэ вздрогнул, и на его висках выступил пот.

Он посмотрел в сторону военных чиновников.

Однако верные псы Ян Цзиня ненавидели этого марионеточного императора куда сильнее, чем Великий наставник Чан, и несколько слов в защиту императрицы не смогли их успокоить.

— Ваше Величество, что не так с армией, что вы так боитесь? — Чжоу Чаофэн, известный своей резкостью, выделился среди косноязычных военных чиновников. — Или, может, вы презираете нас, военных, и боитесь, что мы испортим наследника принца?

Военные чиновники гневно уставились на императора, некоторые даже начали закатывать рукава.

Хотя на публике они бы никогда не осмелились ударить императора, втихаря они не раз использовали грязные приемы. И надо отдать должное Фан Минцзюэ, что он, несмотря на свою

хрупкость, до сих пор держится.

— Я не это имел в виду, — Фан Минцзюэ, как и во всех предыдущих случаях, закончил свою попытку сопротивления с бессилием и страхом, подняв подбородок и плотно сжав губы. — Вы, генералы, защищаете страну и совершили великие подвиги для Наньюэ. Я глубоко благодарен вам. Просто Фан Цзэхао еще слишком молод...

— Ваше Величество.

Тихий, но властный голос заставил Фан Минцзюэ мгновенно побледнеть.

Он тревожно посмотрел в ту сторону и увидел, что Великий наставник Чан, обычно сидящий в центре зала, медленно сделал шаг вперед, выпятил живот и с улыбкой, похожей на улыбку Будды, мягко произнес:

— Ваше Величество, у вас нет наследников, и вам стоит подумать об этом заранее.

В зале воцарилась мертвая тишина.

Фан Минцзюэ, охваченный гневом и страхом, крепко сжал подлокотники и холодно уставился на Великого наставника Чана, выдавив из горла:

— Наставник... будьте осторожны в своих словах.

Великий наставник Чан, поглаживая бороду, улыбнулся и медленно вернулся на свое место.

Гражданские и военные чиновники не осмелились больше произнести ни слова. Великий наставник Чан обычно был молчаливым, но когда он открывал рот, его слова были подобны удару грома.

Ян Цзинь отсутствовал, и военные чиновники не смели противоречить, а гражданские слепо следовали за ним. Даже если бы Великий наставник Чан сказал, что на троне сидит лягушка, они бы все равно поклонились.

Все, кроме непреклонного цензора Цзэна, который в конце добавил:

— Тогда, Ваше Величество, насчет отправки наследника в армию...

— Пусть будет так, как вы предложили, — равнодушно произнес Фан Минцзюэ.

Утренняя аудиенция завершилась.

Еще одно унижение для молодого императора. Такой результат наскучил как фракции Ян, так и фракции Чана, которые уже привыкли к победам. К счастью, они сдерживали друг друга, иначе их мозги бы окончательно атрофировались от скуки.

На этот раз смелость Фан Минцзюэ не вышла за пределы ожиданий Великого наставника Чана, ведь ранее он даже осмелился ворваться в военный лагерь, где люди Ян Цзиня его избili. Мысли о Фан Цзэхао казались вполне естественными.

Однако сегодняшние события вызывали у него странное чувство. Карета проехала некоторое расстояние, затем остановилась.

— Наставник, вы звали меня? — Цзэн Цзымо приподнял занавеску кареты.

Великий наставник Чан слегка приподнял веки, отметив изменение в обращении, но на его лице не было никаких эмоций, и он по-прежнему сохранял строгий вид наставника:

— Как ты оцениваешь сегодняшние события?

— Они не оставляют своих намерений. Возможно, они что-то замышляют, — Цзэн Цзымо мрачно произнес.

Великий наставник Чан пристально посмотрел на него, обдумывая слово «они». Раньше это, конечно, относилось к Ян Цзиню, но сегодня, после его слов в зале, это слово приобрело новый смысл.

— Ты еще молод, — Великий наставник Чан отвел взгляд. — Молод и горяч. У меня тоже был такой период, но если дерево выделяется в лесу, ветер обязательно его сломает. Ты сейчас привлекаешь слишком много внимания и находишься в центре вихря. Если ты не выйдешь из него, даже я не смогу тебя спасти.

Цзэн Цзымо, обычно холодный, слегка смягчился, словно слова наставника все же тронули его.

— Тогда, учитель, что вы предлагаете?..

Великий наставник Чан достал из рукава письмо и передал его Цзэн Цзымо:

— В Цзяннани происходят странные вещи с соляными лицензиями. Ты возьмишь на себя обязанности инспектора и отправишься в инспекционную поездку на три месяца, чтобы избежать неприятностей и заодно выявить шпионов Ян Цзиня.

Цзэн Цзымо, хоть и прямолинейный, уже не был наивным юнцом.

Он сомневающе посмотрел на Великого наставника Чана:

— Учитель, боюсь, я не справлюсь.

Великий наставник Чан недовольно взглянул на него и притворился раздраженным:

— Это все еще тот Цзэн Фэнъянь, который был полон амбиций и готов был покорять мир?

Цзэн Цзымо вздрогнул и горько улыбнулся.

Великий наставник Чан смягчил тон:

— Я знаю твой характер. В этой поездке, раз уж ты назначен инспектором, никто не будет тебя ограничивать. Будь решительным, действуй, когда нужно, и убивай, когда нужно. Я слишком долго отсутствовал в Цзяннани, и некоторые уже забыли, кому принадлежат три провинции Цзяннани.

Его слова были легкими, но полными угроз.

Цзэн Цзымо расслабился и кивнул:

— Я понимаю.

— Кроме того, — добавил Великий наставник Чан, — в этой поездке в Цзяннань ты возьмишь с собой одного человека, чтобы научить его. Я надеюсь, что он окажется способным учеником, и

у вас двоих сложатся хорошие отношения.

Цзэн Цзымо слегка нахмурился, но не стал возражать.

Через несколько дней учитель и ученик снова ехали в одной карете. Карета сначала высадила Цзэн Цзымо у переулочка, затем развернулась и отвезла Великого наставника Чана домой.

Великий наставник Чан слегка постучал по колену и вздохнул в пустой карете:

— Жаль, жаль.

Жаль, что, несмотря на все годы учительства, в конце концов придется убить тебя.

— Лао Гэн, отправь письмо Сяо И. Он знает, что делать.

Кучер за дверью тихо ответил, его голос был едва слышен.

Неизвестно, что сделал Сяо И, но на следующий день после полудня госпожа Ху из дома маркиза Аньчана, намазавшись только что открытой помадой, с ярким видом подала прошение на аудиенцию.

Этот горячий прошение, конечно же, было передано Линь Лин прямо в руки Фан Минцзюэ.

Молодой император был в замешательстве.

Если бы это был чиновник, то встреча с императрицей была бы неуместной, и отказ не вызвал бы вопросов. Тем более, что он уже утром на аудиенции отмежевался от императрицы, и дальнейшие претензии были бы бессмысленны. Если бы это была обычная дама, то императрица могла бы просто отказаться от встречи, и хотя некоторые бы сплетничали, это не вызвало бы серьезных проблем.

Но это была номинальная мать императрицы, госпожа Ху.

Отказать — значит проявить непочтение, а если она заболит, то встречу придется устроить. Обычные методы не работают.

Фан Минцзюэ покрутил прошение в руках, и в его голове вдруг мелькнуло нагловатое лицо Сяо Цяня. Стиснув зубы, он придумал грязный трюк.

— Линь Лин, найди Сюй Мухуай, — сказал Фан Минцзюэ. — Пусть он остановит госпожу Ху, любыми средствами, лишь бы она не добралась до дворца Фэнъи. Если он справится, я разрешу ему выйти из дворца один раз.

Судя по донесениям шпионов, Фан Минцзюэ был уверен, что Сюй Мухуай, каждый день играющий грустные мелодии, явно жаждет свободы. Настоящая свобода недостижима, но один выход из дворца может стать для него стимулом.

Линь Лин приняла приказ и без лишних слов направилась в боковую залу дворца Фэнъи.

Едва переступив порог двора, она услышала, как меланхоличные звуки цитры внезапно сменились слащавой мелодией, от которой зубы сводило. Однако Линь Лин, как внутри, так и снаружи, была грубой женщиной и не заметила разницы.

Она остановилась во дворе и дословно передала приказ Фан Минцзюэ.

Сюй Мухуай, одетый в водянистые одежды, словно слабая ива, поднялся и подошел к ней. Его лицо покраснело, и он украдкой взглянул на Линь Лин, пробормотав:

— Ты... поцелуй меня, и я пойду.

Линь Лин чуть не выронила глаза от такого поведения, напоминающего застенчивую девушку.

<http://bllate.org/book/16207/1454797>